

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022747-7

Осет. *myg* / *mugæ* ‘сперма’ и некоторые вопросы общеиранской и индоевропейской реконструкции

© 2022 г. Ю. А. Дзиццойты

Кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой осетинской филологии и общего языкознания
Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова,
Республика Южная Осетия, 100001, Цхинвал, ул. Московская, д. 8
dzicc@mail.ru

© 2022 г. А. И. Фалилеев

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
a.falileev@gmail.com

Резюме. В статье предлагается новый подход к этимологии осет. *myg* / *mugæ* ‘сперма’ и уточняется предыстория производного от него *myggag* | *muggag* ‘семя’, ‘род’, ‘порода’. Изучение версий фрагмента Нартовского эпоса осетин, где слово употреблено единственный раз, позволило проследить стратегии его эвфемизации, что позволило по-иному взглянуть на первоначальную семантику лексемы. Осет. *myg* можно непротиворечиво возвести к общеиранскому продолжению и.-е. **teuk-* ‘развязать, сбросить’ (ср. лат. *mucus* ‘слизь’, гр. *μῦξα* ‘сопля’). Не исключена и возможность его происхождения из праиран. **mai-* : *ti-* со значениями ‘быть влажным, увлажнять’ и ‘двигать(ся), удалять(ся), отодвигать(ся)’. В работе эти праиранские глаголы семантически не дифференцируются, чему дается обоснование. К ним же можно возвести и осет. *myræg* ‘первый фильтрат, получаемый при варке пива’, в работе рассматриваются также и другие производные на **-ra-* от этого общеиранского глагола. Исследование показывает, что реконструкция скифск. **muka* ‘сперма’, ‘семя’, ‘порода’ на основании скифского антропонима Μουϋσαϋος вызывает существенные сомнения, а традиционное использование исключительно иранских, и прежде всего осетинских, данных для интерпретации фракийских личных имен с начальным компонентом *misa-* представляется неуместным.

Ключевые слова: осетинский язык и фольклор, этимология, историческая лексикология, иранистика, индоевропеистика, праязыковая реконструкция.

Для цитирования: Дзиццойты Ю.А., Фалилеев А.И. Осет. *myg* / *mugæ* ‘сперма’ и некоторые вопросы общеиранской и индоевропейской реконструкции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 57–73. DOI: 10.31857/S160578800022747-7

Ossetian *myg* / *mugæ* ‘Sperm’ and Some Aspects of Common Iranian and Indo-European Reconstruction

© 2022 Yuriy A. Dzitstsoity

Cand. Sci. (Philol.), Professor,
Head of the Department of Ossetian Philology and General Linguistics

at the A.A. Tibilov South Ossetian State University,
8 Moskovskaya Str., Tskhinval, 100001, Republic of South Ossetia
dzicc@mail.ru

© 2022 Alexander I. Falileyev

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
a.falileyev@gmail.com

Abstract. The article offers a new approach for the analysis of Ossetian *myg* / *mugæ* ‘sperm’ and comments on the pre-history of its derivative *myggag* / *muggag* ‘semen’, ‘genus’, etc. The undertaken study of various versions of the fragment of the Nart epic where the word *myg* is uniquely used allowed the authors to consider various strategies of its euphemisation, which was fruitful for defining its original meaning. Ossetian *myg* can be consistently traced back to the Common Iranian etymon going back to PIE **meuk-* ‘to release’, etc., cf. Lat. *mucus* ‘snot’, Greek *μύξα* ‘slime, mucus’. It is possible also to consider it among other words going back to Iranian **mau-* : *mū-* ‘to be wet, moisten’ and ‘move’: the paper does not differentiate between these two meanings, for which an explanation is provided. It is argued that Osset. *myræg* ‘first filtrate obtained by brewing the beer’ is the derivative in **-ra-* from this Iranian verb, and some other Ossetian and Iranian lexemes which belong (or might belong) here are also considered. The study questions the commonly accepted reconstruction of Scythian **muka* ‘sperm’, ‘semen’, ‘genus’ on the basis of the personal name *Μουγισαγος*, while traditional utilization of Ossetic lexemes for interpretation of Thracian anthroponyms with *muca-* is considered misleading.

Key words: Ossetian language and folklore, etymology, lexicology, comparative Iranian linguistics, Indo-European studies, linguistic reconstruction.

For citation: Dzitsitsoity, Yu.A., Falileyev, A.I. *Oset. myg / mugæ ‘sperma’ i nekotorye voprosy obshcheiranskoy i indoevropejskoj rekonstrukcii* [Ossetian *myg* / *mugæ* ‘Sperm’ and Some Aspects of Common Iranian and Indo-European Reconstruction]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 57–73. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022747-7

Введение

Сопоставление осет. *myg* / *mugæ* ‘сперма’ и производного от него *myggag* / *muggag* ‘семя’, ‘род’, ‘порода’ с лат. *mucus* ‘слизь’ и гр. *μύξα* ‘сопля’, ‘слизь’ мы находим уже в *Осетинских этюдах* В.Ф. Миллера, вышедших в 1882 г. [1, с. 96]¹. Это сопоставление — с некоторыми модификациями — остается общепринятым. Так, В.И. Абаев [4, с. 173] приводит его в сопряжении со скифск. *Μουγισαγος*, которое, согласно ему, соответствует (с перестановкой частей) ос. *sag-mugg-ag* ‘оленьей породы’; эта параллель учитывается не во всех работах исследователя (напр. [5, с. 27] и [3, Т. II, с. 137]). Однако в статье, посвященной происхождению осет. *sag* ‘олень’ [3, Т. III, с. 15] и собственно скифскому языку [6, с. 296], мы ее снова находим. В двух первых работах В.И. Абаева появляется ссылка на индоевропейское **meuk-* [7, S. 744] для

объяснения происхождения этих форм². Согласно В.И. Абаеву [5, с. 27], “[о]собая формальная и смысловая близость к латинскому позволяет видеть здесь специфическую скифо-латинскую изоглоссу”, и, ожидаемо, рассматриваемое сопоставление приводится в монографии, посвященной скифо-европейским изоглоссам. Сами же эти скифо-европейские изоглоссы определены В.И. Абаевым [5, с. 3] как сближения, в первую очередь — лексические, осетинского языка с и.-е. языками европейского ареала, где осетинский, “порывая с другими индоиранскими языками, смыкается с” германским, итальянским и т.д.

Анализ этой группы осетинских слов В.И. Абаевым предпринят в [10, Т. V, с. 300], где исключительно на их основании реконструируется

¹ Ср. также работу [2, с. 39], на которую ссылается словарная статья в ИЭСОЯ [3, Т. II, с. 137].

² Кельтские формы, которые В.И. Абаев здесь учитывает со ссылкой на работу Х. Вагнера [3, Т. II, с. 138 сн. 1], безусловно, имеют иную этимологию, см. [8]. Отметим также, что для Р. Бильмайера осетинское слово в целом остается неясным по происхождению [9, с. 198].

общеиранск. ^{*3}*mauk-* : *mūk* ‘слизь’³. В качестве *comparada* привлекаются уже приведенные Абаевым греческая и латинская (с добавлением *mūcar* ‘плесень’) лексемы, а также праслав. **muklivъ* ‘мокрый, влажный сырой’. Для последнего приводится ссылка на словарь Ю. Покорного [7, S. 744], а также [12, Т. XX, с. 179], где, однако, имеются и иные этимологические толкования праслав. формы. Согласно [10, Т. V, с. 300], эта общеиранская форма восходит к и.-е. **meuk-* ‘скользить, скользкий, слизистый, слизь, мокрота’, то есть к тому же и.-е. корню [7, S. 744]. Однако эти данные выделяются в отдельную словарную статью, а в качестве промежуточной реконструкции приводятся как арийск. **mauk-* : *mūk-*, так и **(s)mauk-* : *(s)mūk-*. Необходимо обратить внимание и на то, что словарная статья, посвященная общеиранск. ^{*3}*mauk-* : *mūk* ‘слизь’, содержит следующую оговорку: “рефлексы надежно зафиксированы только в осетинском языке, поэтому отнесение данного корня к общеиранскому фонду и к праиранскому хронологическому уровню проблематично” [10, Т. V, с. 300]. Хотя в научной литературе уже было отмечено в отношении великолепного *Этимологического словаря иранских языков*, что “среди реконструированных общеиранских основ имеются и такие, которые основаны исключительно или преимущественно на осетинском материале” [13, с. 356], при анализе подобных случаев необходим выход за пределы иранистики, а иногда — и за пределы индо-иранистики. Последнее связано напрямую с концепцией скифо-европейских изоглосс, и, примечательно, многое из того осетинского материала, что раньше рассматривалось в этом ключе, сегодня, после существенных прорывов в иранской и индоевропейской этимологии, таковым уже не считается, и их следует отнести к исконно иранскому фонду. К примеру, осет. *arm* ‘рука’ сближалось исключительно с нем. *Arm* ‘id.’ и проч. [5, с. 30–31], однако праиран. **arma-* : *rma-* ‘рука’, к которому и восходит это слово, имеет надежные рефлексы в иранских языках [9, S. 109]; [10, Т. I, с. 225–226]; [14, с. 213]. Соавторы этой статьи планируют посвятить специальную работу этой проблеме. Здесь же мы рассмотрим только ставшее традиционным сопоставление осет. *myg / mugæ* ‘сперма’ (и *myggag / muggag* ‘семя’, и т.д.) с лат. *mūcus* ‘слизь’ и гр. *μύξα* ‘сопля’, ‘слизь’.

1. Осет. *myg / mugæ* ‘сперма’: данные

Удивительным образом в статье *Историко-этимологического словаря осетинского языка*, посвященной

осет. *myg / mugæ* ‘сперма’, В.И. Абаев не приводит, как обычно, примеров его употребления [3, Т. II, с. 137]. Причины тому очевидны — в связи с табуированностью этого слова мы вправе ожидать на его месте разнообразные перифразы, если оно не используется в научном (псевдонаучном) контексте, что частотно и ожидаемо в современном осетинском языке. Действительно, как сформулировала это И.Б. Качинская [15, с. 109], «[в] народной культуре все, что связано с “телесным низом”, может получать прямые названия, но может подвергается [так в тексте] эвфемизации». Что касается ранних использований этого осетинского слова (и его синонимов), то вполне естественно мы можем ожидать его аттестацию в осетинском Нартовском эпосе. Действительно, в сказании о рождении нарта Сослана (Созирико) встречается следующий сюжет, известный и по иноязычным версиям эпоса, и в текстах живущих далеко от Кавказа народов, см. [16]; [17, с. 41–46] и значительное количество примеров, собранных в [18, “F14. Сын камня”]. Нартовский пастух (или небожитель Уастырдж, или великан), восплавав любовью к красавице Сатане, стиравшей в обнаженном или полуобнаженном виде белье на берегу реки, не сумев преодолеть водное препятствие, пустил в красавицу свое семя. Однако красавица ловко увернулась, и семя попало в камень, который понес. В варианте герой опускается на близлежащий камень и изливает в него свое семя. Зафиксировано двадцать вариантов этого сказания, в каждом из которых название для действия героя (соитие с камнем) и семени, пролитого в лоно камня, подвергнуто табуированию. Соответствующий материал рассматривается ниже по наиболее полному, семитомному, академическому изданию осетинского эпоса “Нарты кадджытæ” [19]. В ряде вариантов сказания эпизод отсутствует [19, Т. II, с. 10]; [19, Т. II, с. 226]⁴, во многих других акт семяизвержения не упоминается. Так, герой был вынужден попросту совокупиться со скалой (*кæдзæхимæ куы бахуыссыдис*) [19, Т. VI, с. 224–225], а в одном дигорском тексте сказано, что у пастуха выиграла кровь (*æ тог искуста* ‘заработала кровь’), и он лег на камень и заснул [19, Т. II, с. 655]. В двух текстах, сохранившихся только в русских переводах, акт оплодотворения вызван касанием: персонаж “оперся на камень, отчего последний оплодотворился”, а в результате из камня родился герой Сирдон [19, Т. IV, с. 289], а в другой версии “он прислонился к камню, и внутри камня зародился

³ Об использовании реконструкции иранск. **muk(a)-* в фразологии (ср., напр., [11, с. 62]) см. ниже.

⁴ В то же время рассматриваемый мотив встречается и в другом цикле, где герой Батрадз, согласно одному из вариантов, также родился из чрева камня [19, Т. III, с. 387–388].

ребенок” [19, Т. II, с. 750]. Сходное мы находим и в еще одной осетинской версии — увидев Сатáну, герой решил перепрыгнуть через реку, но сумел допрыгнуть только до одного камня, где его и настигло желание. Однако он промахнулся (*æ гъуд-таг фæййевгъудæй*), и камень понес [19, Т. II, с. 16]. Подобное опущение определенных лексем в подобных контекстах известно в различных культурах, ср., напр., [20, р. 120–123 *et passim*].

Единственный текст, в котором, собственно, встречается слово *мыг* ‘семя’, был записан в 1923 г. в Северной Осетии в селении (ныне это город) Ардон:

Уастырджи воспыал любовью к нартовской красавице Сатане, которая не разделяла его чувств. Но однажды небожителю удалось схватить красавицу в объятия, а страсть его достигла такой степени, что он брызнул своими брызгами (семенем) (*йæ нырх (мыг) акалдта*). Однако красавица увернулась, и его семя окропило камень (*дурыл бапырх*) [19, Т. I, с. 48].

Сказитель, как и все остальные “коллеги по цеху”, воспользовался эвфемизмом, в данном случае — *нырх* ‘брызги’, но тут же решил пояснить, очевидно, для записывающего, что именно имеется в виду под этим словом. Таким образом, мы имеем едва ли не единственную фиксацию в языке фольклора слова *мыг* ‘сперма’. Как и ожидалось, лексические замены слова *мыг* в версиях этого рассказа весьма частотны и разнообразны. Уже в приведенном фрагменте сказитель использует *нырх* ‘брызги’ в качестве основного обозначения ‘спермы’. В одной дигорской версии, где героем оказывается пасущий коней табунщик (*бæхгæс*), рассказывается, как он уснул на камне, что лежал на берегу реки, и пролил в него свое семя, *цъумур* [19, Т. II, с. 5], что буквально означает ‘грязь’. Такую же семантическую замену с другой лексемой мы находим еще в одном дигорском тексте: Сатáна стирает одежду, на противоположном берегу пастух воспыал к ней страстью. Он пустил в нее (струю), а Сатáна вставила меж ног камень, и семя (*цъумурдзийнадæ*, букв. ‘грязь’) попало в него [19, Т. IV, с. 16]. В другом дигорском тексте рассказывается, что когда Сатáна стирала одежду, некий мужчина (*лæг*) метнул в нее свою “пулю” (*нæмуг*) [19, Т. II, с. 20]. Известна и замена слова с помощью лексемы со значением ‘вода’: Сатáна стирает одежду на берегу реки, а на противоположном берегу при виде ее тела у великана выграла кровь. Но река вышла из берегов, и он не мог переплыть ее. И тогда великан пролил семя на огромный камень: *дынджыр дурыл уæйыг йæ дон акалдта* (досл. ‘на огромный камень великан свою воду (дон) пролил’) [19, Т. II, с. 710].

Во многих версиях вместо семяизвержения рассказывается о других физиологических выделениях, в первую очередь — мочи, в том числе и в завуалированной форме. Так, в одном дигорском тексте рассказывается, как пастух решил переплыть через реку, разделявшую его и красавицу Сатáну, но сумел доплыть только до середины, где на камне обмочился (*фертайуйнаг æй*), букв. ‘стал таким, которому нужно искупаться’ [19, Т. II, с. 25], ср. также другую сходную в этом отношении дигорскую версию с этим же оборотом в [19, Т. II, с. 11]. Сюда же примыкает еще одна запись сказания, в которой Уастырджи долго охотился за Сатáной, которая отвергала его домогания. Но однажды на берегу реки он обнаружил штаны Сатáны, разосланные для сушки на камне. Уж штаны-то твои не уйдут от меня, подумал небожитель, и помочился на них (*хæлафыл фæмызта*) [19, Т. II, с. 75]. Эта же версия представлена в цитированном варианте сказания о рождении нарта Батрадза, согласно которому герой Хæмыц помочился на синий камень (*цъенгæ дурыл бамызта*), лежавший на окраине села, а через положенный срок из камня родился младенец Батрадз. В этой связи см. [21, р. 92, 142], где, между прочим, приводится лат. *urina = semen* (Juv. 11.170), и далее — [18, “F54D. Запускает, выпив мочу”]. Кроме мочи функцию спермы, похоже, выполняет и слюна (плевок): согласно одной версии, Сатáна обнаженной купалась в море. На противоположном берегу пас свое стадо пастух. Завидев Сатáну, он бросился к ней, но когда оказался посреди моря, Сатáна вытянула всю воду на себя, и пастух оказался на камне. Пастуху осталось только вернуться назад, но Сатáна, пожалев о своем поступке, подошла к тому камню и плюнула на него [19, Т. IV, с. 16]. О слюне как эквиваленте спермы см. материалы и их анализ, представленные в работе [22, с. 170–171]⁵; в связи с метафорой ‘еда’ для сексуальной связи см. [21, р. 138–141] и ср. также [23, р. 227].

Особый интерес представляет замена ‘спермы’, представленная в двух дигорских версиях рассказа. Прочитируем первый фрагмент полностью:

Сатана в коротком бешмете стирала одежду на берегу реки. На противоположном берегу пас отару пастух. Воспылав к ней страстью, но не сумев добраться до нее, пастух взмолился Богу: *æдта ми ка рацæуа, уой гъулахъи фæрдуг фестун кæнæ!* ‘раз так, то преврати в гъулахъ-бусину то, что исторгнется из меня’. Бог внял его просьбе, и он метнул в красавицу бусину. Однако она увернулась, и бусина попала в камень [19, Т. II, с. 12].

⁵ Авторы благодарны Н.Н. Казанскому за привлечение нашего внимания к этой важной публикации, в которой рассматривается преемственность мотива от древне/средне-индийского до современного цыганского.

Более краткая версия с этой лексической заменой выглядит так: Сатана в коротком бешмете, без штанов стирала одежду. Пастух (*бæхгæс*) прилег на камень. Появилась *золахъ*-бусина, которую пастух метнул в красавицу (*Золахъ-фæрдуг фестадгæй ма 'й Ахсинæмæ фехста*) [19, Т. II, с. 14]. Интерпретации *гзулахъ* / *золахъ* бусины будет посвящена наша отдельная работа, а здесь нужно отметить, что связь слов, означающих ‘сперма’, ‘семя’ и драгоценных минералов, уже отмечена. Так, в русском языке слово сѣмя, о котором см. далее, используется и в значении “мелкие золотые или серебряные шарики, напаваемые в ювелирных изделиях; зернь” [24, Т. XXIV, с. 61].

Кроме того, имеются и иные замены, уже грамматические. Так, в другом тексте Уастырджиджи предложил Сатане встать к нему задом и нагнуться, а сам, стоя на противоположном берегу реки, пустил струю: *Уастырджиджи йæ дониннæ фарсæй бацъыртт кодта, мæнæ нæл сæгъ куыд ацъыртт кæны тæргæн афон, фæззæджы сæ æрæгмæ куы фæуадзыны, уæд, уый хуызæн* ‘Уастырджиджи брызнул им с противоположного берега, подобно тому, как брызжет козел, которого осенью, в период течки, запирают и не подпускают своевременно (к самкам)’ [19, Т. II, с. 5]. Здесь в качестве эвфемизма выступает энклитическая форма местоимения *уый* — *йæ* ‘его / им’. В другой версии, рассказывающей о пастухе, метнувшем семя, последнее названо также местоимением *йæ* [19, Т. II, с. 19]. Местоименные замены частотны в подобных контекстах и в других культурах, ср. [20, р. 124–126] или [15, с. 115, 118]⁶.

2. Осет. *myggag* / *tuggag* ‘фамилия, род, племя’, скифск. *Μουγισαρος* и фракийские антропонимы на *Muco-*

Слово *myggag* / *tuggag* ‘семя’, ‘род’, ‘порода’, ‘фамилия, племя’ было сопоставлено с осет. *tug* / *tugæ* ‘семя’ уже В.Ф. Миллером [1, с. 96]. При этом Миллер правильно указал на наличие в первом из них суффикса *-iag-*, что в результате ассимиляции *-gi-* > *-gg-* (у Миллера неточно *-ki-* > *-kk-*) и дало современную форму *myggag*. Такое же словообразование находим в целом ряде других слов, исходящих на согласный. В качестве

⁶ Как на пример использования лексемы *tug* ‘сперма’ в осетинском словообразовании указывается на слово *æмыджыр(тæ)* ‘жены многоженца по отношению друг к другу’ с неясной этимологией, см. [3, Т. I, с. 147–148], которое не очень удачно возводится к *æt-mug-jar-tæ* ‘рождающие от одной спермы’ [25, с. 39–40]. Помимо натянутой семантики эта этимология противоречит исторической фонетике осетинского языка: *ar* не может перейти в *ur*, а гемината *tt* редко упрощается в *m*.

иллюстрации приводим несколько примеров с исходом *-g*, ср. осет. *fændag* ‘дорога’ — *fændaggag* ‘дорожные припасы’, *læg* ‘мужчина’ — *læggag* ‘подающий надежды’ (о юноше) и пр. Впоследствии В.И. Абаев утверждал, что *myggag* происходит “от *tug* ‘сперма’ с суффиксом *-ag* и закономерным удвоением *gg*” [3, Т. II, с. 137–138]. Но при такой трактовке неясно, за счет чего происходит удвоение *gg*. В.И. Абаев полагал, что способностью удваивать консонантный ауслаут обладал сам суффикс *-ag*, а также суффикс *-on* [26, с. 676–677]. Однако можно привести десятки примеров на *-ag* и *-on*, в которых консонантный ауслаут производящей основы не удваивается: *kusyn* ‘работать’ — *kusag* ‘работающий’, *tasyn* ‘гнутья’ — *tasag* ‘гнувшийся; гибкий’ и т.п. Почему же при наращении суффикса *-ag* в одних случаях консонантный ауслаут удваивается, а в других — нет? На основе того, что наращение суффикса *-ag* на основы с исходом на *-r* и некоторые другие сонанты приводит к *j*-эпентезе (ср. *sær* ‘голова’ — *sæjrag* ‘главный’ [26, с. 677]), было подтверждено предположение В.Ф. Миллера о наличии в осетинском языке двух разных суффиксов *-ag*, один из которых через этап **-iag-* < **-aiāg-* восходит к древнеиранскому **-aiāka-*, а другой — к др.-иран. **-āka-*, см. [27, S. 332–333]; [14, с. 157–160]; [13, с. 239–240]. Иными словами, к одним основам присоединяется суффикс **-iag-*, приводящий либо к геминации конечного согласного, либо к эпентезе (точнее, к метатезе); этим объясняется, например, наличие таких вариантов, как *wællag* / *wæjlag* ‘верхний’ [3, Т. IV, с. 68], *twallag* / *twajlag* ‘туалет; житель Туалии’, *xollag* ‘корм’ / *xojrag* ‘пища’ [Там же]. К другим основам присоединяется суффикс *-ag-* из **-āka-*, откуда *xærag* ‘любящий поесть’ и пр. Ср. также *zarun* ‘петь’ — *zarag* ‘поющий’, но *Zar* ‘селение в Южной Осетии’ — *zajrag* ‘житель (селения) Зар’.

Таким образом, этимология В.Ф. Миллера фонетически безупречна, а по точному (исходному) значению *myggag* должно означать ‘связанный с *tug*’. Миллер, впрочем, не затрагивал семантическую сторону этого сопоставления, что было сделано В.И. Абаевым: “[д]ля развития значения ‘сперма’ > ‘род’ ср. ст. слав. *plemę* в значении о́лѣрца и *žetę* в значении как о́лѣрца, так и ‘род’, ‘поколение’ <...>; ср. также тюрк. *uruy* ‘семя’, ‘род’, ‘порода’, ‘племя’” [3, Т. II, с. 138] и ср. [5, с. 27]. Действительно, эта семантическая связь достаточно тривиальна, что представлено, к примеру, и в словарной статье сѣмя в [24], где оно определено как ‘вещество, содержащее в себе животный зародыш’, ‘сперма’, ‘род, племя’, ‘потомки, потомство’, ‘зерно’ и т.д. [24, Т. XXIV, с. 60–61]. То же можно

проиллюстрировать и примерами из собственно иранских языков. Так, продолжения иранск. **tauxman-* (и производного от него **tauxmaka-*) показывают сводную палитру значений, ср. авест. *taoxman-* ‘семья’ и др.-перс. *taumā-* ‘семья’ (см. [28, S. 189] по поводу древнеиранских данных), а перс. *tuxm* ‘семья’ используется в курдском (*tōxim*) и в значении ‘зерно’, ‘яичко’, ‘род’, ‘происхождение’ [29, с. 416]. В ваханском *tuxm* означает ‘семья, зерно’, ‘яйцо’ и ‘родня, клан’ [30, с. 477], а осет. *t’uty-t’yma* — ‘отдаленное потомство’, ‘род’ [3, Т. III, с. 357–358]. Курдск. *tōv* известно в значениях ‘семья’, ‘семечко’, ‘зерно’, ‘род’, ‘поколение’, а несвязанное с ним исторически *naīūf* означает ‘род’ и ‘семья’ [29, с. 356, 21], и этот список можно продолжать⁷. Здесь можно вспомнить и о том, что осетинск. *muggag* / *muggag* в форме *mugkag* (со ссылкой на одну из работ В. Миллера) использовалось — со знаком вопроса — в работе [31, S. 503] для реконструкции элемента скифского ономастикона **mūx*, однако автор не приводит никаких собственно скифских имен для его иллюстрации⁸.

Осетинск. *muggag* / *muggag* ‘семья’, ‘род’, ‘порода’, ‘фамилия, племя’ мы находим и в композите *sag-muggag* ‘оленьей породы’, который был неоднократно сопоставлен (с перестановкой частей) со скифск. личным именем Μουγισαγος, зафиксированном в надписи из Ольвии, см. [4, с. 173]; [6, с. 296]. Это сопоставление уже вызвало критику, и современные исследователи (см. [32, р. 114])⁹ предпочитают не ассоциировать финальную часть личного имени со скифским словом, означающим оленя (см. также [6, с. 300–301] и ср. [3, Т. III, с. 11–16] по поводу осет. *sag* ‘олень’). В.И. Абаев [6, с. 296] полагал, что на основании начальной части Μουγισαγος возможно реконструировать скифск. **muka* ‘сперма’, ‘семья’, ‘порода’, привлекая, таким образом, все значения, присущие как осет. *mug*, так и *muggag* / *muggag*. Более того, при сопоставлении скифского имени с осетинским композитом Абаев приводит последний как *sag-muggag*, что неверно, как было указано выше, с точки зрения диахронической морфологии. Однако, что особенно важно, сопоставление скифских

личных имен Μουγισαγος и Μουγεισο[ς], также из Ольвии, привело А.И. Иванчика и В.В. Крапивину к выводу, что первое из них содержит рефлекс известнейшего иранск. суффикса *-aka-, а второй — нет, см. [32, р. 114].

Таким образом, мы имеем дело здесь с *Μουγ(ε)ισ-геср. **Mugis-*, и интерпретация -is-остается гадательной. Можно было бы предположить здесь производное, оформленное суффиксом, соответствующим др.-перс. и авест. -iš-, др.-инд. -iṣ-, см. с дальнейшей литературой [28, S. 326] и ср. [33, р. 55–56] по поводу предыстории индоиранского *-is¹⁰. Однако, скорее, мы имеем дело с началом второго компонента имени, усеченного в гипокористике, ср. фрак. антропоним Μούγικς, к фрак. **musa-* [34, р. 256], о котором см. ниже. Важно, что, не наблюдая теперь морфологического изоморфизма, постулированного для скифск. *Μουγισαγ(ος)* / осет. *sag-mug(gag)*, и учитывая семантическую составляющую, реконструкция В.И. Абаевым [6, с. 296] скифск. **muka* ‘сперма’, ‘семья’, ‘порода’ представляется неочевидной. Как уже было отмечено, осет. *mug* известно исключительно в значении ‘сперма’, и наличие слова с таким значением в личном имени представляется маловероятным. Конечно, мы можем представить себе, что известное семантическое развитие произошло в скифском слове, однако подобный подход является недоказуемым. Компонент *Μουγ-может в принципе восходить к иному этимону, содержащему иранск. **muk-*, о чем см. ниже. Подобные персидские имена уже давно были отмечены (ср. [31, S. 217]), и соответствующие их аттестации в Ольвии хорошо изучены, см. [35, р. 4–7].

К этому можно также добавить, что осетинские лексемы, вместе или поодиночке, и без учета скифских антропонимов, использовались для интерпретации фракийских личных имен с начальным компонентом *musa-*, ср. *Μουχατορις* или *Μουχατραλις*. Подобные фракийские антропонимы с *musa-* весьма частотны и многообразны (см. впечатляющий каталог в [34, р. 227–256]) и известны в том числе и в Ольвии, см. [40, р. 5–8] с библи. Уже у В. Томашека мы находим — среди других предложений — сопоставление фрак. *musa-* с осет. *mukkag* ‘Same, Nachkommenschaft’ [41, S. 26], а В. Георгиев [11, с. 62] цитирует оба осетинских

⁷ См. подборку имеющих разные этимологии слов, означающих ‘семья’, в нескольких иранских языках, напр., в [36, р. 67].

⁸ Приведенные здесь нескифские антропонимы рассматриваются также теперь по-иному. По поводу хорезм. *Arthamūx* (ср. [31, S. 39]) см., напр., [37, с. 132], о *Izmūx* (ср. [31, S. 143]) см. [38, р. 264], s. v. *Yiztuzit*.

⁹ Авторы благодарны А.И. Иванчику за ссылку на это важное исследование и последующее обсуждение представленного в нем материала.

¹⁰ Этот суффикс в осетинском должен был отразиться в виде -is- (дигор.) / -ys- (иронский). Ср. в этом отношении *qomys* / *qomus* ‘сила’ при *qom* ‘способный’ [3, Т. II, с. 309], или *xomys* ‘название кушанья’ при *xom* ‘сырой’ [3, Т. IV, с. 213]. О топониме -s- в осетинской топонимии и других суффиксах на -s см. [39, с. 97, 105–106]. Форма, восходящая к **mugis-*, в осетинском языке неизвестна.

слова, причем глоссирует осет. *mugæ* как ‘семейство’, а *muggag* — как ‘порода’. Он приводит для осетинских слов “иран. *tuka-*” без каких-либо комментариев или дальнейших ссылок и не снабжает иранскую форму ожидаемой в случае реконструкции звездочкой. Болгарский ученый, похоже, не сомневается в правоте этого сопоставления, на основании именно которого он приписывает фрак. *tusa-*, известному только по антропонимии, значение ‘семейство, порода, род’. Все это неоднократно повторено в его последующих публикациях и традиционно (с некоторыми вариациями) воспроизводится десятилетиями в палеобалканистике. Так, И. Дуриданов, ссылаясь на [3, Т. II], но с опечаткой в номере страницы, цитирует в этой связи осет. *muggag* / *myggag* (но не *myg!*) и возводит эти данные к и.-е. **muk-*, которое он оставляет без перевода и каких-либо дальнейших спецификаций [42, S. 140]. См. также недавнюю работу [42, S. 94, 116], где фракийский компонент, глоссируемый как ‘семя, племя’, сравнивается с осет. *muggag* и иран. *tuka-* ‘семя, род’ (sic!, осетинское слово не снабжается переводом, а иранская реконструкция — надлежащей звездочкой). Примечательно, что скифск. Μουγυαγος в этих работах вообще не упоминается. Представляется, что интерпретация этих фракийских антропонимов, основанная на прямом и безоговорочном сопоставлении исключительно с указанными осетинскими лексемами, не может не вызывать заслуженных сомнений. Показательно, что Д. Дана, который обычно ссылается на известные этимологии при каталогизации фракийско-дакийского ономастического инвентаря в [34], в данном случае не приводит никаких комментариев. Более того, сама этимология осет. *myg* и *muggag* / *muggag*, как будет показано в следующем разделе, не позволяет принять эту интерпретацию фракийской лексемы.

3. Проблемы этимологии осет. *myg* / *mugæ* ‘сперма’

Как мы видели, в приведенных версиях текста Нартовского эпоса осетин весьма частотны эвфемистические замены слова ‘сперма’ и соответствующие перифразы. Семантическая и прагматическая функции эвфемизмов хорошо изучены, см. [44], для осетинского см. [45] и ср. [46, с. 244–250] в общеиранской перспективе, а в применении к лексике “телесного низа”, ср., напр., [20] или [15, с. 118–133]. В данной работе авторы не ставили перед собой задачу изучения формальной классификации этих замен — интерес в данном случае представляет собой исключительно их семантика, учет которой оказывается важным подспорьем для уточнения этимологии осет. *myg* / *mugæ* ‘сперма’.

Как представляется, для решения вопроса о предыстории осет. *myg* / *mugæ* ‘сперма’ нет необходимости выделения общеиранского **³mauk-* : *mūk* ‘слизь’, основанного исключительно на осетинских данных и ставящего в основу реконструкции именно это слово. Действительно, лексемы, означающие слизь и сопли, этимологически родственны во многих языках, напр. русск. *слизь* ‘слизь’ и *слиза* ‘обильные выделения из носоглотки при плаче; слизь’ ([24, Т. XXV, с. 85], ср. *сопли* ‘носовая слизь, сопли’ [24, Т. XXVI, с. 158]) или для балтийских данных см. примеры в [47, р. 181–182]; для иранского см., напр., [10, Т. III, с. 44] и [10, Т. IV, с. 165–168]. Примечательно, что в осетинском одно из слов, означающих ‘сопли’, является композитом *xæffynʒ*, букв. ‘гной (*xæf*) носа (*fynʒ*)’ [3, Т. IV, с. 161–162]. Также, вероятно, следует обратить внимание на эвфемистическую замену спермы на слюну, т.е. слизь, и в приведенной выше версии фрагмента Нартовского эпоса; см. анализ подобных замещений в других источниках — и, возможно, с иной мотивировкой (ср. [21, р. 138–141] и [23, р. 227]) — в работе [22, с. 170–171]. Однако и семантическая, и формальная составляющие традиционного подхода к предыстории осет. *myg* / *mugæ* ‘сперма’ нуждаются в пересмотре в свете новых исследований и по иранистике, и по индоевропеистике.

Начнем с уже традиционно приводимой в связи с осетинскими формами *comparanda*. Лат. *mūcus* возводят к итальяск. **munga-* ‘вытирать’, и вместе с греческим словом, как и общесл. **mōknōti* (см. [12, Т. XX, с. 219]), согласно Де Фаану и другим исследователям, они восходят к и.-е. **(s)mu-n-k-*, [48, р. 392]. При этом отсылка дается на тот же и.-е. глагольный корень **meuk-* ‘развязать, сбросить’ [49, S. 443–444], ср. [7, S. 744]. Греч. μύξα ‘сопля’, ‘слизь’ обычно вместе с глаголом μύσσομαι ‘сморкаться’ рассматриваются в связи с лат. *mūcus* ‘слизь’, см. [50, р. 985–986], где, впрочем, допускается мысль и о догреческом происхождении этой лексемы. Этот и.-е. глагол отражен в иранском как **¹mauk-* : *muk-* (**maug-* : *mug-*) ‘развязывать(ся), освобождаться’ согласно [10, Т. V, с. 286–295], ср. **mauc¹* ‘to release, let loose/free’ в [51, р. 269–270]. В самом осетинском языке известны другие производные от реконструированного глагола **mauk-* : *muk-* (**maug-* : *mug-*) ‘развязывать(ся), освобождаться’, ср. *ræmūʒyn* / *ræmūʒd* ‘отрывать’, ‘разрывать’, ‘вырывать’, ‘выдергивать’, формально соответствующее авест. *fra-muxti* ‘снятие (обуви)’ или согд. *βr'mč-* ‘снимать одежду’, ‘раздевать’; см. [3, Т. II, с. 373–374] и [14, с. 307]. Возведение к этому же общеиранскому

глагольному корню осет. *tug / mugæ* ‘сперма’ также является формально непротиворечивым.

Понятно, что названия спермы в разных языках могут быть семантически мотивированы различно, ср. восходящие (обычно через латинское посредство) к греч. *σπέρμα* слова во многих европейских языках. В самом греческом оно означает ‘семя, зародыш’ и является производным от глагола *σπείρω* ‘сеять, оплодотворять’, к и.-е. **sper-* ‘сеять, рассеивать’, см. [50, р. 1379–1380] и [49, S. 580]. В др.-греч. *σπέρμα* означало и ‘сперму’, и ‘морскую пену’, см. [23, р. 32] и по поводу этимологии — [50, р. 179], ср. в этой связи кл. перс. *fīn* ‘сопли, сморкание’ и *fīnak* ‘пена на море’ [10, Т. III, с. 44] и лексемы, собранные в [10, Т. IV, с. 165–168] s.v. **kafa-*, **xafa-* ‘пена’, ‘слюна’, ‘слизь’. Примеры можно продолжать до бесконечности, но нас интересует здесь возможность мотивации слов со значением ‘сперма’, ‘сопля’ и т.д. как “освобожденного (из организма)”. Мотивация ‘освобождения’ для обозначения физиологического выделения из организма (испражнения) присуща многим языкам (ср. [21, р. 242–243], и если придерживаться традиционного сопоставления осет. *tug / mugæ* ‘сперма’ и лат. *mīcus* ‘слизь’ и т.д., но в рамках последних этимологических изысканий, то указанный и.-е. и индо-иранский корень с семантикой ‘освобождать(ся)’ оказывается полностью удовлетворяющим как семантически, так и формально. Примечательно, что согласно [49, S. 443–444, s.v. **meuk-*] соответствующие латинские и греческие глаголы показывают сужение изначальной семантики и.-е. глагола до ‘всморкаться’ ((aus)schneuzen), а лат. *mīcus* восходит к **mōuk-o-* ‘выделение’ (Absonderung). В этой связи необходимо отметить родственное др.-инд. *tos-*, формы которого зафиксированы со значением ‘освобождать(ся)’, ‘высвобождать(ся)’ [52, В. II, р. 392], ср. также значения ‘метать’, ‘бросать’, ‘кидать’ в некоторых славянских языках у восходящих к нему глаголов, см. [12, Т. XXI, с. 36–37]. Также можно обратить внимание на то, что сперма рассматривается как нечто, исторгнутое из организма, и в ранней иранской традиции. “Как и все, исходящее из человека (волосы, ногти, моча и т.д.), извергнутое во время поллюции семя приравнивалось к скверне”, отмечают исследователи Авесты [53, с. 247], а в пехлевийском своде IX в. “Денкард” сперму — вместе с мочой и менструальными выделениями — относят к *hixr*, “мертвым субстанциям, которые живые тела отрицают и выталкивают” [54, р. 49]. Примечательно, что мотивация освобождения и/или бросания присуща и использованному в этом контексте глаголам в рассмотренном фрагменте

Нартовского эпоса, ср. “пустил в нее (струю)” и проч. Таким образом, имеется очевидная возможность сохранить традиционное соответствие осет. *tug / mugæ* ‘сперма’, лат. *mīcus* ‘слизь’ и, возможно, гр. *μύξα* ‘сопля’, ‘слизь’, но как ‘испражненное’, ‘освобожденное (из организма)’. Иными словами, перед нами опять оказывается некоторая “скифо-европейская изоглосса” с новым и.-е. денотатом, однако лишь на первый взгляд: все приведенные формы отражают изначальную семантику индо-европейского глагола, великолепно представленную и в соответствующем богатом индо-иранском материале.

Впрочем, Де Фаан также указывает на возможность возведения лат. *mīcus* к и.-е. словам, означающим влагу, болото и проч. Он приводит в этой связи несколько примеров из разных и.-е. языков, и все они в той или иной мере являются проблематичными. Так, латв. прилагательное *mukls* ‘болотистый’, согласно К. Карулюсу [55, Т. I, р. 602], восходит к глаголу *mukt* ‘бежать’, который, в свою очередь, возводят к тому же корню, который указан в первоначальном предложении Де Фаана; см. о балтийских формах [47, р. 325] и ср. [55, Т. I, р. 602–603]. Приведенное де Фааном др.-исл. прилагательное *mjúkr* ‘слабый, мягкий’ возводится к герм. **meuka-* / **mūka-* ‘слабый’, см. далее [56, р. 368]. Значительное количество сложностей вызывает и анализ упомянутого Де Фааном ирл. *mocht* ‘мягкий’; см. [57, р. 282]. Праслав. **muklivъ* ‘мокрый, влажный сырой’, которое также учитывается при этой реконструкции в *Этимологическом словаре иранских языков*, также может быть рассмотрено по-иному, см. [12, Т. XX, с. 179], поэтому мы исключаем эту протоформу из дальнейшего обсуждения.

Как мы видели, слова ‘слизь’ и ‘сопли’ во многих языках оказываются исторически связанными, причем, как и другие обозначения разных видов физиологической секреции. Более того, здесь уместно вспомнить о том, что лат. *semen* сопоставлялось как с *mīcus*, так и со словом, означающим ‘слёзы’ [21, р. 142]. Нередко эти лексемы оказываются этимологически родственными, но при этом исторически мотивированы понятием ‘влага’. Так, в курдском *xilîk*, *xilînk* означает и ‘слизь’, и ‘сопли’ [29, с. 473], и это слово сопоставлено с осет. *хуулуз* ‘мокрый’ (с неясной этимологией, см. [14, с. 354]). В русском языке *мокро* зафиксировано в значении ‘влага в человеческом теле (кроме крови), слизистые и другие скопления’, ср. также *мокрота* [24, Т. IX, с. 237–238]. Более того, эвфемистические замены осет. *tug* в рассмотренном фрагменте Нартовского эпоса также

могут свидетельствовать в пользу номинации ‘спермы’ именно как жидкости. Так, дигорск. существительное *цѳумур* ‘грязь’ и *цѳумурдзийнадаѳ*, образованное с помощью конгломерации суффиксов *-дзийн-* & *-адѳ-*, т.е. ‘грязность’ *vel sim.*, могут указывать на то, что ‘сперма’ — это ‘мутная / грязная жидкость’. Семантически это является непротиворечивым, ср. англ. *mud* ‘грязь’, которое традиционно возводят к тому же “текучему / мокрому” и.-е. корню [7, S. 742]. Более очевиден в этой связи осет. эвфемизм *дон* ‘вода’ и, возможно, также *пырх*, т.к. этим словом обозначают брызги жидкости, а также капли дождя. Можно в связи с этим вспомнить и о том, что в арабском *nuṭaf* ‘сперма, семя’ (заимствованное в курдский [29, с. 21]) восходит к *nuṭfa* ‘капля’. Сюда же, вероятно, можно осторожно отнести замену спермы на слюну и в Нартовском эпосе, о других интерпретациях см. выше. Примечательно, что семя животных и людей — как и слюна (*хауѳ*), и слёзы (*srēšk*) — упоминается среди одиннадцати видов вод (вода в растениях, речная, дождевая, стоячая, моча, пот, молоко и т.д.) в среднеперсидском зороастрийском тексте “Бундахишн” [58, с. 167–168 (текст), 296 (перевод)].

В *Этимологическом словаре иранских языков*, действительно, имеется словарная статья **1mau : mī-* ‘быть влажным, увлажнять, влага, жидкость, муть’ [10, Т. V, с. 275–276] со ссылкой на **теи-*, etc. [7, S. 741–743]. Однако, как представляется, при реконструкции этого этимона также возникают сложности. Согласно словарю, “в глагольной системе иранских языков прослеживаются единичные рефлексy корня”, и, собственно, это глагольное использование иллюстрируется единственным примером, хорезм. *m’w(y)-* ‘пробовать губами, чмокать’. Впрочем, при этом упоминается и другое этимологическое объяснение хорезмийского глагола в связи с иранск. **2mau : mī-* ‘двигаться’, которое расценивается как семантически трудно доказуемое. Следует отметить, что именно этот подход, хотя и с некоторыми сомнениями, избрал Дж. Чёнг при анализе этого хорезмийского глагола, который он приводит как **tm’w(y)-*, см. [51, р. 273]. Однако автор *Словаря* полагает, что “[с]корее здесь имеется в виду ‘смачивать (губы)’ или ‘омочить (губы)’” [10, Т. V, с. 275]. Попутно следует отметить, что русск. (диалектн.) *мыкать* засвидетельствовано в значении ‘лакать’, а в украинском *микати губами* означает ‘шевелить губами’. Эти слова также возводят к тому же и.-е. **teuk-* [12, Т. XXI, с. 37], который отражен в иранском как **1mauk-* : *tuk-* (**taug-* : *mug-*) ‘развязывать(ся), освобождаться’ согласно [10, Т. V, с. 286–295]; о возможности возведения осет. *myg* / *mugæ*

‘сперма’ непосредственно именно к этому корню было отмечено выше.

Именные составляющие словарной статьи **1mau : mī-* ‘быть влажным, увлажнять, влага, жидкость, муть’ в *Этимологическом словаре иранских языков*, по преимуществу, являются существительными с точными параллелями в индийском материале. Авест. *mūθra-* ‘нечистоты, экскременты’ (см. существенные уточнения в работе [59, р. 188–189], где приводится основная библиография) и соответствующий топоним в мидийском, возможно, со значением ‘грязь’ *vel sim.* давно и традиционно сопоставляется с др.-инд. *mūtra-* ‘моча’. К этому же корню традиционно возводят хотаносакск. *mūtīñā* ‘облака, тучи’¹¹, *mattūna* ‘дурной, гнилой’ (< *mudata-* & *-auna* < **gauna-* ‘цвет’, о *gūna* см. [61, р. 345 et passim]) и их варианты. В *Словаре* они рассматриваются как производные на *-t* и *-d* в связи с др.-инд. *mudira-* ‘облако, туча’ и греч. *μυδάω* ‘быть мокрым, грязным’. В этом отношении нужно обратить внимание на новую интерпретацию хотаносакск. *mattūna* [62, II, р. 114–115 и особенно III, р. 121], которая выводит его за пределы этой дискуссии, и на сложности и сомнения, отмеченные при анализе указанного греческого слова в [50, р. 974]. Некоторые сомнения высказаны в [10] и по поводу приведенного в этой словарной статье единственного суффиксально непроизводного номинатива, не имеющего, согласно *Словарю*, параллелей в индийском материале, — пушт. *mi* ‘застывшее топленое сало’ [10, Т. V, с. 276]. Примечательно, однако, что Дж. Чёнг рассматривает это слово именно как заимствование из индо-арийского, см. [63, р. 181, 202].

В рассмотренной словарной статье **1mau : mī-* ‘быть влажным, увлажнять, влага, жидкость, муть’ кроме традиционной ссылки на соответствующий глагол в словаре Покорного регулярно упоминается и “новая” этимология этой группы слов, возводящая их к и.-е. глаголу **mīeh₁-* ‘двигать(ся)’ [49, S. 445–446], ср. предложенную на основании др.-инд. форм реконструкцию **mīeh₁u-* в [64, р. 116]). Рефлексам его в иранских языках

¹¹ В. Блажек [36, р. 57] сопоставляет хотаносакск. *mūtīñā* ‘облака, тучи’ с арм. *mout’* ‘dark, amidst’ со ссылкой на этот же и.-е. корень [7, S. 742], где армянская форма указана, впрочем, как *mut’*. Армянская лексема *մութ*, которая транслитерируется обычно как *mut’* или *mowt’* и переводится как ‘obscurity, darkness, night; a. dark, obscure, gloomy’, действительно традиционно сопоставляется с англ. *mud* ‘грязь’, которое возводили к тому же отраженному в этих иранских словах корню. Мы благодарны П.А. Кочарову за идентификацию и обсуждение с нами этого армянского слова. Иная его этимология — к арм. *տոփ* ‘дым’ — принадлежит Б. Олсен [60, р. 41].

посвящена отдельная словарная статья **²tau : tū̃-* ‘двигать(ся), удалять(ся), отодвигать(ся)’ и т.д. [10, Т. V, с. 276–279], ср. [51, р. 273–274 s.v. **miHu-* ‘to move’], а также **tauš- : tuš-* ‘скрывать, утаивать, воровать, отбирать’ [10, Т. V: 300–301], где собраны производные на **-s* от этого корня с пометкой “надежных рефлексов немного”. Эти статьи не включают рассмотренные выше формы в связи с **¹tau : tū̃-* ‘быть влажным’, но, что примечательно, упоминается хорезм. *štwū-* ‘освободиться’ < **fra-mūia-*, о хорезм. *m’w(y)-* ‘пробовать губами, чмокать’, который иногда рассматривается именно как его рефлекс, см. выше. При таком подходе индо-иранские формы возводят к корню с нулевой огласовкой **tuH-*, см. [52, В. II, S. 359] и [65, р. 247, 299], ср. в связи с соответствующими балтийскими и славянскими формами [12, Т. XXI, с. 84] и [47, р. 307–308].

Учитывая взаимосвязи понятий ‘двигаться’ и ‘быть влажным’ в реконструированной иранской протоформе, исходя из понятия ‘влажность’ как вероятной семантической мотивации осет. *tug / tugæ* ‘сперма’, нам представляется уместным рассматривать осетинские данные в рамках словарной статьи, объединяющей **¹tau : tū̃-* ‘быть влажным, увлажнять, влага, жидкость, муть’ и **²tau : tū̃-* ‘двигать(ся), удалять(ся), отодвигать(ся)’. Как будет еще раз показано ниже, вопрос о точной дифференциации исходных корней со значением ‘двигаться’ и ‘быть влажным’, с трудом проводимой во многих частных филологиях, релевантен и для иранской, ср. также рассмотренные уже разногласия по поводу хорезм. *m’w(y)-* ‘пробовать губами, чмокать’ и проч. Также следует отметить следующее предпринятое допущение о наличии в праиранском состоянии продолжений корня **²tau : tū̃-* со значением ‘двигать(ся)’ “с распространителями или суффиксами **-k*, **-g*, типа **tauk-*, **taug-*, употреблявшихся в значениях ‘двигать(-ся), отодвигать(-ся)’ и т.п.”. Традиция относит их к праиранскому корню **¹tauk- : tuk-* (с вариантом **taug- : tug-*) ‘развязывать(-ся), освобождать(-ся) и т.п.’, однако возможна “контаминация этих омонимичных корней уже в праиранскую эпоху” [10, Т. V, с. 278]. Возведение осет. *tug / tugæ* ‘сперма’ к последнему указанному корню, как показано выше, также вполне вероятно. В любом случае, осетинское слово непротиворечиво может быть рассмотрено как суффиксальное образование на **-ā* от общеиранск. **tu-k-*, образованного от глагола

со значением ‘быть влажным’ / ‘двигать(ся)’¹², причем точная конфигурация этимона — с учетом сказанного выше про **tauk- : tuk-* — остается вне нашего внимания.

4. Дополнительные материалы для реконструкции **^{1&2}tau : tū̃-* ‘быть влажным, увлажнять, влага, жидкость, муть’ и ‘двигать(ся), удалять(ся), отодвигать(ся)’

Было уже отмечено, что многие осетинские слова не вошли в уникальный *Этимологический словарь иранских языков*, ср. [66, с. 275–277]. Таким словом является, например, *myræg* ‘первый филтрат, получаемый при варке пива’, который к тому же не имеет удовлетворительной этимологии. Так, В.И. Абаев возводил его к груз. *murak’i* ‘сгущенный путем варки фруктовый сок’, которое в свою очередь осторожно проследивал к парфянскому **muhrak* < арийскому **mūtra-* ‘выделения’ [3, Т. II, с. 140]. Однако груз. *k’* не дает в осетинском *g*, и не исключено, что грузинское слово само было заимствовано из осетинского. Вместе с тем, связь осетинского слова с указанной Абаевым др.-индийской лексемой действительно весьма вероятна, но исходя из другой исходной семантики и иной морфологической модели.

В иранских языках довольно часто встречаются производные с суффиксом прилагательных **-ra-* от различных глагольных корней или производных основ. Примерами могут послужить **aid-* ‘гореть, жечь; огонь’ > **aid-ra-* ‘ясная погода, ясное небо; ведро’ [10, Т. I, с. 120–121], ср. [51, р. 157, s.v. **Haid-*], **dau- : dū-* ‘удалять(ся), отдалять(ся) в пространстве и во времени; длить(ся)’ > **dū-ra-* ‘далекий, далеко’ [10, Т. II, с. 392–394], **jī-* ‘жить, существовать’ > **jī-ra-* ‘живой, быстрый’ [10, Т. III, с. 110, Т. IV, с. 146–147] и т.п. Эти и подобные производные с суффиксом **-ra-* являются древними, и обычно они восходят к и.-е. уровню, ср. восходящее к первому из указанных выше корней осет. *ird* ‘светлый, ясный’ и исторически тождественные ему скт. *vidhra-* ‘id.’ и греч. *ἰθαρός* ‘светлое небо’ [51, р. 157], см. также [3, Т. I, с. 548–549] и ср. [50, р. 36] по поводу греческой лексемы. Общеиранское **dū-ra-* ‘далекий,

¹² Можно в связи с этим отметить, что продолжения этимологически родственного славянск. глагола **muti* также известны в интересующих нас здесь значениях. Так, «[в] русских новгородских говорах гл. *мыть* в безл. форме употребляется для обозначения расстройства желудка: “Его моет”, откуда производное **муть* ‘понос’. Но это же слово **муть* широко используется для обозначения возрастных заболеваний животных, характеризующихся поносом, истечением слизи из носа, нагноениями и т.п.» [12, Т. XXI, с. 78], см. также **муть* II и **муть* I в [12, Т. XXI, с. 83–84].

далеко' точно соответствует др.-инд. **dūrā-* 'ид.' [52, В. I, S. 739] и далее — лат. *dūrus* 'жесткий, выносливый' [48, р. 184] < и.-е. **duh₂-ro-*, см. детально [67, р. 340–342]. Сходным образом, общеиранское **jī-ra-* 'живой, быстрый' тождественно др.-инд. *jīrá-* 'ид.' [52, В. I, S. 593], к и.-е. **g^uih₃-ro-*, [68, S. 185]. Наличие непродуктивного суффикса **-ra-* на осетинской почве впервые отмечено В.Ф. Миллером [1, с. 111]. В настоящее время все слова с этим суффиксом воспринимаются как неразложимые (непроизводные) основы.

Производное на **-ra-* от интересующего нас праиранского корня (**mū-ra-*) могло означать 'мутная' вода, а его рефлекс в осетинском языке могли выглядеть как **mur(æ)* (в дигорском) и **myr* (в иронском диалекте). В таком случае это полностью соответствует конфигурации **meu-r(o)-*, учтенной Ю. Покорным при реконструкции и.-е. **meu-* 'мокрый', etc. [7, S. 742]. Хотя ряд лексем, приводимых здесь Покорным, вызывают сомнения (см., напр., по поводу греч. *μύρω* [50, р. 982]), модель представлена в различных языках, ср. литовск. *máuras* 'ил, тина' < **māu-ro-*, о котором см. [69, р. 378], и далее [47, р. 307–308]. Сюда же, вероятно, следует отнести и прасл. **mura* (сербо-хорв. диал. *мұра* 'грязь, раскисшая земля, осадок' и проч.), см. с иным анализом [12, Т. XX, с. 191–192]. Именно к этой производной основе мы и возводим компонент *myr-* в слове *myræg*. Примечательно, что во многих иранских языках на основу, включающую в свой состав суфф. **-ra-*, иногда наращивается еще и суффикс **-ka-*. Так, от вышеупомянутых основ **dūra-* 'далекий, далеко' образовано **dūra-ka-* 'далекий (в пространстве и времени)', откуда идет осет. *durægi* в сочетании *ærægi-durægi* 'рано или поздно; в конце концов' [3, Т. I, с. 376–377]; [10, Т. II, с. 394], от **jī-ra-* — **jīra-ka-*, откуда среднеперсидское *zīrak* 'умный, мудрый' [10, Т. III, с. 110–111] и т. п. Хотя образования с двумя суффиксами (**-ra-ka-*) также могут быть древними, в подавляющем большинстве случаев суффикс **-ka-* является позднейшим наращением на основу, оформленную суффиксом **-ra-*, и соответствующие лексемы обычно встречаются только в данном языке. В осетинском языке к образованиям с двумя (а исторически даже с тремя) суффиксами относят еще и слово *yulæg* 'жестокость, обида' (< **gur-ya-ka-*) из праиранского **gau-ra-* 'страшный, ужасный, устрашающий' [3, Т. I, с. 536]; [10, Т. III, с. 245]. Теперь к этим примерам можно добавить осет. *myræg* 'первый фильтрат пива' < **mū-ra-ka-* ('мутная' жидкость).

Семантика, реконструированная на основе этимологии основы, вполне соответствует

денотату: первый фильтрат при варке пива действительно представляет собой мутное сусло, которое только после брожения и отстаивания становится "прозрачным". "Мутность" жидкости не является проблемой для этого этимологического построения семантически, ср. русск. диалектное *муль* 'мутная, грязная вода', возводимое к слав. **mulь / mulь* (сербо-хорв. *mulj* 'нанос', чешск. *mul* 'ил', др.-русс. *муль* 'ил, тина') [12, Т. XX, с. 185–186] и ср. слав. **myль*, реконструированное на основании укр. диал. *мил* 'нанос, ил в реке', блр. диал. *мыл* 'занесенный песком участок' [12, Т. XXI, с. 41]. Согласно исследователям, эти общеславянские протоформы восходят также к и.-е. формам со значением 'влага', см. [12, Т. XX, с. 186]; об англ. *mud* 'грязь' см. выше. Таким образом, в случае с осет. *myræg* 'первый фильтрат, получаемый при варке пива' мы имеем дело с (мутной) жидкостью, как, возможно, и в случае со словом, означающим 'сперму' в осетинском языке. Как было отмечено, производные на **-ra-* в осетинском являются древними, и при принятии этой этимологии можно было бы посчитать это слово **mū-ra-(ka-)* за архаизм, сохранившийся только в осетинском. Впрочем, сюда может принадлежать и осетинск. топоним *Mor-æx / Mor-ux* (перевал, луг и селище), если он восходит к **mū-ra-* / **mau-ra-* (с топоформантом *-x-*, см. [70, с. 107–108]), но по понятным причинам эта этимология остается под вопросом. Однако в связи с указанным тождеством исходных корней со значением 'двигаться' и 'быть влажным', следует обратить внимание на реконструированное в [10, Т. V, с. 278] иранск. **mau-r-*: *mū-r-* 'двигать(-ся), отодвигать(-ся)', представленное, напр., в хот.-сакс. *mūr-* 'двигать' (см. в этой связи [62, V. II, р. 116–117, V. III, р. 125]), ср. вед. эпитет коня *mūrā-* 'резвый, стремительный'; о сложностях дифференциации суффиксов на *-r-* в и.-е. см. [67, р. 330 *et passim*] с библи.

Согласно [10, Т. V, с. 278], "не ясно, входит ли сюда обозначение канала, трубы, тоннеля, по которым происходит движение"; это иранск. **mau-r-*: *mū-r-* иллюстрируется согд. *mwry'u* 'оросительный канал', тадж. *mūrí* 'дымоход; дымовое отверстие', совр. перс. *murí* 'труба из обожженной глины (для водопровода)' [10, Т. V, с. 278–279], и мы можем добавить к этому списку вах. *murí* 'отверстие под стеной для стока воды' [30, с. 389]. Учитывая взаимосвязь значений 'двигаться' и 'быть влажным', очевидную и в этой подборке примеров, уместно было бы обратить внимание на прасл. **myriti*, русск. диал. *мырить* 'кружиться в водовороте; рябить (о водной поверхности)', 'нарушать водную гладь, рябить гладкую

поверхность воды’ при русск. диал. *мыр* ‘место, где вода рябит, кружится (от затонувшей коряги или камня)’, *мырь* ‘волнение, рябь на поверхности воды’. Согласно [12, Т. XXI, с. 41–42], “семантика *мырить*, связанная преимущественно с обозначением движения водной поверхности (текучей!), не согласуется с семантикой балтийской группы”. В связи с иным подходом к литовск. *máuras* и т.д., это противоречие снимается, и мы имеем еще один рефлекс, сопоставимый с иранск. **tau-r-*: *mī-r-* в “водном” значении.

Не исключено, что рефлексом другого производного (**tau-ga-*) является неясный компонент *-moγ / -miγ* в топонимии современной Осетии, отраженный в географических названиях *Qat-a-moγ* и *Džer-miγ*. Первый компонент оронима в Южной Осетии *Džer-miγ* остается загадочным, а название пастбища в Северной Осетии *Qat-a-moγ* содержит в качестве начального составляющего этимон **gāθa-*, сопоставленный с авест. *vi-gāθ-*, см. [39, с. 123]. Оставив в стороне интерпретацию собственно авест. формы (*recte*: Yt. 14.21 *vī-gāθ-*), точное значение которой является неустановленным и этимология дискуссионной (см. [71, р. 194, 199]), и оперируя вместо нее рефлексом иранск. **gātu-* / **gāθu-* ‘место’ [10, Т. III, с. 269–70], известным в иранской топонимии (см. [72, р. 212–213], ср. возведение осет. топоформанта *γat-* к др.-иран. **gāθu-* ‘место; дорога’ в [73, р. 107–109]), можно отметить, что формально *moγ / -miγ* может непротиворечиво восходить к **tau-ga-*. Однако по понятным причинам это сопоставление не может не оставаться весьма гипотетическим.

5. Заключение

Осет. *mug / mugæ* ‘сперма’ может быть возведён к и.-е. **meuk-* ‘развязать, сбросить’, отраженному в иранском как **¹tauk-* : *tuk-* (**taug-* : *tug-*) ‘развязывать(ся), освобождаться’ (согласно [10, Т. V, с. 286–295], ср. нотацию **tauč¹* в [51, р. 269]). В таком случае его сопоставление с лат. *mīcus* ‘слизь’ и т.д., традиционно рассматриваемое в иранистической литературе, сохраняется, но на других историко-лингвистических основаниях. При этом, как представляется, нет необходимости в реконструкции иранск. **tauk-* : *mīk* ‘слизь’, как ее не наблюдается и для реконструкции на общеиндоевропейском уровне, где указанные лексемы означают ‘исторгнутые (продукты секреции)’ *vel sim*. Осетинское слово также может непротиворечиво восходить к праиран. **tau-* : *mī-* со значениями ‘быть влажным, увлажнять’ и ‘двигать(ся), удалять(ся), отодвигать(ся)’. Эти значения присущи рефлексам одного и.-е. корня,

**mēu_h-* ‘двигать(ся)’ ([49, S. 445–446] или — согласно Н. Зайру — **mēu_h-*), и дифференциация лингвистического материала в двух соответствующих статьях *Этимологического словаря иранских языков* не представляется исчерпывающей и необходимой. При этом необходимо также вспомнить и о том, что “в ряде случаев отмечаются примеры сближения семантики рефлексов **¹tauk-* с рефлексам **²tau-* в значении ‘двигать(ся), шевелить(ся)’, особенно если предположить наличие рефлексов последнего корня с распространителями или суффиксами **-k*, **-g*” [10, Т. V, с. 286]. Исходя из праиран. **tau-* : *mī-*, непосредственной протоформой осет. *mug / mugæ* на осетинской почве должна быть **mī-kā-*, очевидно, форма женского рода к **mī-ka-*. Сюда же мы склонны отнести и осет. *myræg* ‘первый фильтрат, получаемый при варке пива’, возведенное в этой работе к иранск. **mī-ra-ka-* и имеющее точные морфологические параллели и семантические подтверждения в других иранских и индоевропейских языках. Осет. *mug / mugæ* известно исключительно в значении ‘сперма’, и реконструкция скифск. **muka* ‘сперма’, ‘семя’, ‘порода’ может вызвать сомнения семантического порядка, а в связи с новой интерпретацией скифского антропонима Μουγισαγος, снимающей постулированную параллель с осет. *sag-muggag* ‘оленьей породы’ — и морфологического. Традиционное использование эксклюзивно иранских, и прежде всего осетинских, данных для интерпретации фракийских личных имен с начальным компонентом *μισα-* представляется в связи со сказанным выше, по крайней мере, некорректным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Часть вторая. М.: Типография А. Иванова. 1882.
2. Miller W. Die Sprache der Osseten. Strassburg: Karl J. Trübner, 1903.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. М., Л.: Изд-во АН СССР / Наука, 1958–1995.
4. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М., Л.: Издательство АН СССР, 1949.
5. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965.
6. Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 272–364.
7. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Bern: Franke Verlag, 1959–1969.

8. *De Bernardo Stempel P.* Archaisch Irisch *maccu* als morphologisches Relikt // *Historische Sprachforschung*. 1991. Band 104. S. 205–223.
9. *Bielmeier R.* Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main, Bern, Las Vegas: Lang, 1977.
10. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–6. М.: Восточная литература, 2000–2020.
11. *Георгиев В.* Тракийският език. София: Издание на БАН, 1957.
12. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 1–41. М.: Наука, 1974–2018.
13. *Дзиццойты Ю.А.* Этимологический словарь иранских языков. *Nartamongæ*. Том 13. 2018. С. 342–364.
14. *Чёнг Дж.* Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2009.
15. *Качинская И.Б.* Народная эротика в эвфемизмах (по материалам архангельских говоров). Часть 1. Женские половые органы // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. 25. С. 109–137.
16. *Арджинба В.Г.* Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. Б.Б. Пиотровский и др. (ред.). М.: Наука, 1985. С. 128–168.
17. *Дзиццойты Ю.А.* Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, б.и., 2003.
18. *Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL.: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>
19. Нарты кадджытæ. Ирон адамы эпос. Сост. Т.А. Хамицаева, под ред. Ш.Ф. Джикаева. Т. 1–7. Дзæуджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012.
20. *Adams J.N.* A Type of Sexual Euphemism in Latin // *Phoenix*. 1981, Vol. 35, pp. 120–128.
21. *Adams J.N.* The Latin Sexual Vocabulary. London: Duckworth, 1982.
22. *Васильков Я.В.* Индийское наследие в мифологии и фольклоре европейских рома (цыган) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. Т. 26. С. 162–174.
23. *Skinner M.B.* Sexuality in Greek and Roman culture. Chichester: Wiley, 2014.
24. Словарь русского языка XI–XVII веков. Т. 1–. М.: Наука, 1975–.
25. *Чочиев А.Р.* Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1985.
26. *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе: Ир 1970. С. 543–720.
27. *Hübschmann H.* Ossetische Nominalbildung. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1887. Band 41, № 2. S. 319–346.
28. *Brust M.* Historische Laut- und Formenlehre des Altpersischen. Mit einem etymologischen Glossar. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität, 2018.
29. *Цаболов Р.Л.* Этимологический словарь курдского языка. Том 2. М.: Восточная литература, 2010.
30. *Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М.* Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык: Тексты, словарь, грамматический очерк. М.: Наука, 1976.
31. *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg: N.G. Elwert, 1895.
32. *Ivanchik A., Krapivina V.* Nouvelles données sur le collège des agoranomes d’Olbia de l’époque romaine. Une koinè pontique. Bresson A., Ivanchik A., Ferrary J.-L. (eds.). Bordeaux: Ausonius Éditions, 2007. P. 111–123.
33. *Meissner T.* S-stem Nouns and Adjectives in Greek and Proto-Indo-European. Oxford: Oxford University Press, 2006.
34. *Dana D.* Onomasticon Thracicum. Répertoire des noms indigènes de Thrace, Macédoine Orientale, Mésies, Dacie et Bithynie. Athènes, 2014 (= МЕΛΕΤΗΜΑΤΑ 70).
35. *Tokhtas’ev S.R.* Epigraphical Notes // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2005. Vol. 11. P. 3–40.
36. *Blažek V.* On classification of Middle Iranian languages: (preliminary report) // *Linguistica Brunensia*. 2013. Vol. 61. P. 49–74.
37. *Смирнова О.И.* К вопросу о среднеазиатских культах (О культах Артавахишты и Митры по данным топонимики) // Советская этнография. 1974. № 1. С. 131–138.
38. *Martirosyan H.* Iranian Personal Names in Armenian Collateral Tradition (Iranisches Pesonennamenbuch, Band 5, Faszikel 3). Wien: Austrian Academy of Science Press, 2021.
39. *Дзиццойты Ю.А.* О некоторых реликтах древнеиранской лексики в топонимии Осетии // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 29 (68). С. 117–128.
40. *Falileyev A.* Varia Thracica et Pseudo-Thracica // *Orpheus*. 2013. V. 20. P. 5–14.
41. *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Teil II. 2 // Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse. 1894. Band 131. S. 1–103.
42. *Duridanov I.* Thrak. συχίς, -συκίς, -συκος, -sucu und Zubehör // *Indogermanische Forschungen*. 1976. Band 81. S. 136–142.

43. *Мирчева А.* Увод в палеобалканистиката. София: Ни Плюс, 2017.
44. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007.
45. *Гусалов В.М.* Вербальное табуирование в осетинском // Проблемы осетинского языкознания. 1987. Вып. 2. С. 64–82.
46. *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М.: Восточная литература, 2009.
47. *Derksen R.* Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon. Leiden, Boston: Brill, 2015.
48. *De Vaan M.* Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden, Boston: Brill, 2008.
49. *Rix H., Kümmel M., Zehnder Th., Lipp R., Schirmer B.* Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammgebildungen. 2. Aufl. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
50. *Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden, Boston: Brill, 2010.
51. *Cheung J.* Etymological dictionary of the Iranian verb. Leiden, Boston: Brill, 2007.
52. *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. B. I–III. Heidelberg: C. Winter, 1992–2001.
53. *Птвеладзе Э.В., Саудов А.Х., Абдуллаев Е.В.* Авеста. “Закон против дэвов” (Видевдат). СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2008.
54. *Lincoln B.* Of Dirt, Diet, and Religious Others: A Theme in Zoroastrian Thought // *Dabir*. 2015. V. 1. P. 44–52.
55. *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca. I–II. Riga: Avots, 1992.
56. *Kroonen G.* Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden, Boston: Brill, 2013.
57. *Matasović R.* Etymological dictionary of proto-Celtic. Leiden, Boston: Brill, 2009.
58. *Чунакова О.М.* Зороастрийские тексты. М.: Восточная литература, 1997.
59. *Panaino A.* A Story of *Blood*: Remarks on Yagnobi *waxn* and Avestan *vohu-*, *vohunī-* / *vohuna-* // *Iran and the Caucasus*. 2019, Vol. 23, pp. 177–198.
60. *Olsen B.* The Noun in Biblical Armenian. Berlin, New York: De Gruyter, 1999.
61. *Rossi A.V.* More Khotanese colours // *Iranian Languages and Texts from Iran and Turan*. Macuch M., Maggi M., Sundermann W. (eds.). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2007. P. 343–354.
62. *Emmerick R.E., Skjærvø P.O. (et al.).* Studies in the Vocabulary of Khotanese. I–III. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1982–1997.
63. *Cheung J.* Selected Pashto Problems II. Historical Phonology I: On Vocalism and Etyma // *Iran and the Caucasus*. 2011, Vol. 15, pp. 169–205.
64. *Zair N.* The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Celtic. Leiden, Boston: Brill, 2012.
65. *De Vaan M.* The Avestan vowels. Amsterdam: Rodopi, 2003.
66. *Дзиццойты Ю.А.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 6 // *Nartamongæ*. Том 16. 2021. С. 260–287.
67. *Vine B.* On full grade **-ro-* formations in Greek and Indo-European // *Indo-European Perspectives*. Southern M. (ed.). Washington: Institute for the Study of Man, 2002. P. 329–347.
68. *Wodko D.S., Irslinger B., Schneider C.* Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg: Winter, 2008.
69. *Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007.
70. *Дзиццойты Ю.А.* Словообразовательные типы осетинской топонимии // *Известия СОИГСИ*. 2018. Вып. 27 (66). С. 94–111.
71. *Nikolaev A.* Deep waters: the etymology of Vedic *gabhīrā-* // *Historische Sprachforschung*. 2019. Vol. 132. P. 191–207.
72. *Falileyev A.* ‘Salty’ Geographical Names: A Fresh Look // *Archaeology and Anthropology of salt: a diachronic approach*. Alexianu M., Weller O., Curcă R. (eds.). Oxford: Archaeopress, 2011. P. 209–214.
73. *Lurje P.* *Ġat, Var*: Archaic Elements in Ossetic Toponymy // *Iranistische und Indogermanistische Beiträge in Memoriam Jochem Schindler (1944–1994)*. V. Sadovski et al. (eds.). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2012. P. 107–112.

REFERENCES

1. Miller, V.F. *Osetinskie etyudy. Chast vtoraya* [Ossetian Studies. Part two]. Moscow, Tipographia A. Ivanova Publ., 1882. (In Russ.)
2. Miller, W. Die Sprache der Osseten. Strassburg: Karl J. Trübner, 1903. (In German)
3. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskij slovar osetinskogo yazyka. T. I–V* [Historical and Etymological Dictionary of Ossetic. Vols. I–V]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, Nauka Publ., 1958–1989. (In Ossetic, Russ.)
4. Abaev, V.I. *Osetinskij yazyk i folklor. T. 1* [Ossetian Language and Folklore. Vol. 1]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1949. (In Russ.)
5. Abaev, V.I. *Skifo-evropejskie izoglossy* [Scythian-European Isoglosses]. Moscow, Nauka Publ., 1965. (In Russ.)

6. Abaev, V.I. *Skifo-sarmatskie narechiya* [Scythian-Sarmatian Idioms]. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskije yazyki* [Fundamentals of Iranian Linguistics. Old Iranian Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 272–364. (In Russ.)
7. Pokorny, J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1–2. Bern: Franke Verlag, 1959–1969. (In German)
8. De Bernardo Stempel, P. Archaisch Irisch *maccu* als morphologisches Relikt. *Historische Sprachforschung*. 1991. Band 104. S. 205–223. (In German)
9. Bielmeier, R. Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main, Bern, Las Vegas: Lang, 1977. (In German)
10. *Etimologicheskij slovar iranskih yazykov. T. 1–6* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages. Vols. 1–6]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000–2020.
11. Georgiev, V. *Trakijskiyat ezik* [The Thracian Language]. Sofia, Izdanije na BAN Publ., 1957. (In Bulgarian)
12. *Etimologicheskij slovar slavyanskih yazykov. Praslavjanskij leksicheskij fond. T. 1–41* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Stock. Vols. 1–41]. Moscow, Nauka Publ., 1974–2018.
13. Dzitstsoity, Yu. A. *Etimologicheskij slovar iranskih yazykov. Nartamongæ. Tom 13* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages. *Nartamongæ*. V. 13]. 2018, pp. 342–364.
14. Cheung, J. *Očerki istoričeskogo razvitiya osetinskogo vokalizma* [Studies in the Historical Developments of the Ossetic Vocalism]. Vladikavkaz, Izdatelsko-poligraficheskoye predpriyatiye im. V. Gassieva Publ., 2009. (In Russ.)
15. Kachinskaya, I.B. *Narodnaya erotika v evfemizmah (po materialam arhangel'skikh govorov). Chast 1. Zhenskije polovye organy* [Popular Erotics in Euphemisms (Data of Archangel'sk Dialects). Part One. Female Sex Organs]. *Palaeoslavica*. 2017, Vol. 25, pp. 109–137. (In Russ.)
16. Ardzinba, V.G. *Nartskij syuzhet o rozhdenii geroya iz kamnya* [The Nartian Motive of the Birth of a Hero out of the Stone]. *Drevnyaya Anatoliya. B.B. Piotrovskij i dr. (red.)* [Ancient Anatolia. B.B. Piotrovskij ed.]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 128–168. (In Russ.)
17. Dzitstsoity, Yu.A. *Nartovskij epos i Amiraniani* [The Narta Epic and Amiraniani]. Tskhinval, 2003. (In Russ.)
18. Berezkin, Y.E., Duvakin, E.N. *Tematicheskaya klassifikaciya i raspredelenie folklorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskij katalog* [Thematic Classification and Distribution of Folklore-Mythological Motifs in Different Areal. Electronic Analytical Catalogue]. URL.: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>
19. *Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epos. Sost. T.A. Hamicaeva, pod red. Sh.F. Dzhikaeva. T. 1–7* [Tales of the Narts. Ossetic epic, ed. T.A. Khamitsaeva and Sh.F. Dzhikaev, 7 Volumes]. Vladikavkaz, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012. (In Ossetian)
20. Adams, J.N. A Type of Sexual Euphemism in Latin. *Phoenix*. 1981, Vol. 35, pp. 120–128.
21. Adams, J.N. *The Latin Sexual Vocabulary*. London, Duckworth, 1982.
22. Vassilkov, Ya.V. *Indijskoe nasledie v mifologii i folklоре evropejskikh roma (cygan)* [Indian Legacy in Myths and Folklore of European Roma (Gypsies)]. *Indoevropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology]. 2022, Vol. 26, pp. 162–174. (In Russ.)
23. Skinner, M.B. *Sexuality in Greek and Roman culture*. Chichester, Wiley, 2014.
24. *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vekov. T.1–* [Dictionary of the Russian Language. XI–XVII cc. V. 1–]. Moscow, Nauka Publ., 1975–. (In Russ.)
25. Chochiev, A.P. *Očerki istorii socialnoj kultury osetin* [Essays on the History of Ossetian Social Culture]. Tshinval, Iriston Publ., 1985. (In Russ.)
26. Abaev, V.I. *Grammaticheskij ocherk osetinskogo yazyka* [A Grammatical Sketch of Ossetian]. *Osetinsko-russkij slovar* [Ossetian-Russian Dictionary]. Ordzhonikidze, Ir Publ., 1970, pp. 543–720. (In Russ.)
27. Hübschmann, H. Ossetische Nominalbildung. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1887. Band 41, № 2. S. 319–346. (In German)
28. Brust, M. *Historische Laut- und Formenlehre des Altpersischen. Mit einem etymologischen Glossar*. Innsbruck, Institut für Sprachen und Literaturen der Universität, 2018. (In German)
29. Tsabolov, R.L. *Etimologicheskij slovar kurdsckogo yazyka. Tom 2* [Etymological Dictionary of the Kurdish Language. Vol. 2]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2010.
30. Grunberg, A.L., Steblin-Kamensky, I.M. *Yazyki Vostochnogo Gindukusha. Vahanskij yazyk: Teksty, slovar, grammaticheskij ocherk* [Languages of Eastern Hindu Kush. Wakhi: Texts, Dictionary, Grammatical Survey]. Moscow, Nauka Publ., 1976.
31. *Justi, F. Iranisches Namenbuch*. Marburg, N.G. Elwert, 1895. (In German)
32. Ivantchik, A., Krapivina, V. Nouvelles données sur le collège des agoranomes d'Olbia de l'époque romaine. *Une koinè pontique*. Bresson, A., Ivantchik, A., Ferrary, J.-L. (eds.). Bordeaux, Ausonius Éditions, 2007, pp. 111–123. (In French)
33. Meissner, T. *S-stem Nouns and Adjectives in Greek and Proto-Indo-European*. Oxford, Oxford University Press, 2006.

34. Dana, D. *Onomasticon Thracicum. Répertoire des noms indigènes de Thrace, Macédoine Orientale, Mésies, Dacie et Bithynie*. Athènes, 2014 (= МЕΛΕΤΗΜΑΤΑ 70). (In French)
35. Tokhtas'ev, S.R. *Epigraphical Notes. Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2005, Vol. 11, pp. 3–40.
36. Blažek, V. On classification of Middle Iranian languages: (preliminary report). *Linguistica Brunensia*. 2013, Vol. 61, pp. 49–74.
37. Smirnova, O.I. *K voprosu o sredneaziatskikh kultah (O kultah Artavahishti i Mitry po dannym toponimiki)* [On Central Asian Cults: Cults of Arthavakhichta and Mithra Reflected in Toponymy]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1974, No. 1, pp. 131–138. (In Russ.)
38. Martirosyan, H. *Iranian Personal Names in Armenian Collateral Tradition (Iranisches Personennamenbuch, Band 5, Faszikel 3)*. Wien, Austrian Academy of Science Press, 2021.
39. Dzitsitsoity, Yu.A. *O nekotorykh relikhtakh drevneiranskoy leksiki v toponimii Osetii* [On Some Relicts of Ancient Iranian in Toponymy of Ossetia]. *Izvestiya SOIGSI* [Bulletin of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies]. 2018, Vol. 29 (68), pp. 117–128. (In Russ.)
40. Falileyev, A. *Varia Thracica et Pseudo-Thracica. Orpheus*. 2013, V. 20, pp. 5–14.
41. Tomaschek, W. Die alten Thraker. Teil II.2. *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse*. 1894, Band 131, S. 1–103. (In German)
42. Duridanov, I. Thrak. *συχίς, -συχίς, -συχός, -sucu* und Zubehör. *Indogermanische Forschungen*. 1976, Band 81, S. 136–142. (In German)
43. Mircheva, A. *Uvod v paleobalkanistikata* [Introduction to Paleobalkan Studies]. Sofia, Ni Plus Publ., 2017. (In Bulgarian)
44. Kovshova, M.L. *Semantika i pragmatika evfemizmov. Kratkij tematicheskij slovar russkikh evfemizmov* [Semantics and Pragmatics of Euphemisms. A Concise Thematic Dictionary of Russian Euphemisms]. Moscow, Gnosis Publ., 2007. (In Russ.)
45. Gusalov, V.M. *Verbalnoe tabuirovanie v osetinskom* [Verbal Taboo in Ossetian]. *Problemy osetinskogo yazykoznaniya* [Problems of Ossetian Linguistics]. 1987, Vol. 2, pp. 64–82. (In Russ.)
46. Edelman, D.I. *Sravnitel'naya grammatika vostochno-iranskikh yazykov. Leksika* [Comparative Grammar of the East-Iranian Languages. Lexica]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009. (In Russ.)
47. Derksen, R. *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2015.
48. De Vaan, M. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2008.
49. Rix, H., Kümmel, M., Zehnder, Th., Lipp, R., Schirmer, B. *Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammgebildungen*. 2. Aufl. Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
50. Beekes, R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2010.
51. Cheung, J. *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2007.
52. Mayrhofer, M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. B. I–III. Heidelberg, C. Winter Publ., 1992–2001.
53. Rtladze, E.V., Saidov, A.Kh., Abdullaev, E.V. *Avesta. "Zakon protiv devov" (Videvdat)* [Avesta. Videvdat]. St. Petersburg, Izd-vo politekh. un-ta Publ., 2008. (In Russ.)
54. Lincoln, B. *Of Dirt, Diet, and Religious Others: A Theme in Zoroastrian Thought*. Dabir. 2015, Vol. 1, pp. 44–52.
55. Karulis, K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. I–II. Riga, Avots Publ., 1992. (In Latvian)
56. Kroonen, G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2013.
57. Matasović, R. *Etymological dictionary of proto-Celtic*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2009.
58. Chunakova, O.M. *Zoroastrijskie teksty* [Zoroastrian Texts]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1997. (In Russ.)
59. Panaino, A. *A Story of Blood: Remarks on Yaghnobi waxn and Avestan vohu-, vohunī- / vohuna-*. Iran and the Caucasus. 2019, Vol. 23, pp. 177–198.
60. Olsen, B. *The Noun in Biblical Armenian*. Berlin, New York, De Gruyter, 1999.
61. Rossi, A.V. *More Khotanese colours*. Iranian Languages and Texts from Iran and Turan. Macuch M., Maggi M., Sundermann W. (eds.). Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2007, pp. 343–354.
62. Emmerick, R.E., Skjærvø, P.O. (et al.). *Studies in the Vocabulary of Khotanese*. I–III. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1982–1997.
63. Cheung, J. *Selected Pashto Problems II. Historical Phonology 1: On Vocalism and Etyma*. *Iran and the Caucasus*. 2011, Vol. 15, pp. 169–205.
64. Zair, N. *The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Celtic*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2012.
65. De Vaan, M. *The Avestan vowels*. Amsterdam, Rodopi Publ., 2003.
66. Dzitsitsoity, Yu.A. *Etimologicheskij slovar iranskikh yazykov. T. 6* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages. Volume 6]. *Nartamongæ*. V. 16, 2021, pp. 260–287.
67. Vine, B. *On full grade *-ro- formations in Greek and Indo-European*. *Indo-European Perspectives*. Southern M.

- (ed.). Washington, Institute for the Study of Man, 2002, pp. 329–347.
68. Wodko, D.S., Irslinger, B., Schneider, C. *Nomina im indogermanischen Lexikon*. Heidelberg, Winter Publ., 2008. (In German)
69. Smoczyński, W. *Słownik etymologiczny języka litewskiego*. Vilnius, Vilniaus universitetas Publ., 2007.
70. Dzitstsoity, Yu.A. *Slovoobrazovatelnye tipy osetinskoj toponimii* [Types of Word-Formation in Ossetian Toponymy]. *Izvestiya SOIGSI* [Bulletin of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies]. 2018, Vol. 27 (66), pp. 94–111. (In Russ.)
71. Nikolaev, A. Deep waters: the etymology of Vedic gabhīrā-. *Historische Sprachforschung*. 2019, Vol. 132, pp. 191–207.
72. Falileyev, A. ‘Salty’ Geographical Names: A Fresh Look. *Archaeology and Anthropology of salt: a diachronic approach*. Alexianu M., Weller O., Curcă R. (eds.). Oxford, Archaeopress Publ., 2011, pp. 209–214.
73. Lurje, P. *Ġat, Var*: Archaic Elements in Ossetic Toponymy. *Iranistische und Indogermanistische Beiträge in Memoriam Jochem Schindler (1944–1994)*. V. Sadovski et al. (eds.). Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2012, pp. 107–112.

Дата поступления материала в редакцию: 25 июля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 августа 2022 г.

Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.

Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on July 25, 2022

Revised on August 27, 2022

Accepted on August 31, 2022

Date of publication: October 31, 2022